

Играем «Фауста»
(Остановись, мгновенье! Ты прекрасно?)
Трагикомедия в двух действиях
(парафраз бессмертной трагедии Иоганна Вольфганга Гёте)
Спектакль для взрослых и старшеклассников (16+)
Редакция 2017 года

Автор благодарит Павла Босого, коллегу по Конгрессу литераторов Украины, профессора театральных искусств в университете Райерсона (Торонто, Канада), за сотрудничество при создании украиноязычной версии пьесы, реализованной в 2016 году в Волынском театре кукол, и идею «обмена телами» между Фаустом и Мефистофелем.

Действующие лица (в порядке появления)

Творец (также **Голос** — в темноте или с неба)

Мефистофель

Фауст

Дух (привидение; может появиться как изображение на экране или тень)

Вагнер, адъютант доктора Фауста

Маргарита (Гретхен)

Валентин, солдат, брат Гретхен

Прекрасная Елена (та же актриса, которая играет роль Гретхен; персонаж без слов)

Действие первое

Пролог

Третий звонок, оповещающий о начале спектакля. В зрительном зале гаснет свет. В темноте начинает звучать бас Шаляпина (граммофонная запись):

На земле весь род людской
Чтит один кумир священный...

Раздаётся громоподобный взрыв, заглушающий голос певца, слышно, как иглолка проигрывателя с визгом проскакивает по звуковой дорожке. Новая серия взрывов, накладывающихся один на другой, — возникает ощущение, что ведётся массивный обстрел по сцене и первым рядам партера: рвутся артиллерийские снаряды, мины, работают «Грады». (Максимальные звуко- и светотехнические эффекты, которые может обеспечить театр.) Лишь иногда пробивается голос Шаляпина:

В угожденье богу злата
Край на край встаёт войной,
И людская кровь рекой
По клинку течёт булата!
Люди гибнут за металл...
Сатана там правит бал!..*
(*опера Гуно «Фауст», русский текст П.И. Калашикова)

Внезапно наступает полная тишина. Темнота.

Сцена 1-я

На небе.

ГОЛОС (*Творец; в темноте*). Начнём: e2-e4.

2-й ГОЛОС (*Мефистофель; тоже в темноте*). Ответим: d7-d5.

ГОЛОС. В этом ты весь, даже в шахматах: начать с конфликта, пожертвовать пешку, чтобы следующим ходом вывести ферзя и превратить мудрую игру в сущий ад, — а если я не хочу играть скандинавскую защиту?

2-й ГОЛОС. Что?! Мою идею уже присвоили какие-то скандинавы?

Примечание для режиссёра и актёра. На протяжении всего спектакля Мефистофель крайне редко говорит серьёзно — чаще всего ёрничает. Разумеется, с Творцом он говорит почтительно, но иногда и в этих диалогах в его интонациях прорывается ёрничество, хотя и меньше, чем в диалогах с Фаустом, Вагнером, Гретхен и Валентином или в монологах на публику. В то же время Мефистофелю присуще и обаяние. Творец относится к ёрничанью Мефистофеля с известной долей снисходительности. Возможно, Мефистофель — бывший ангел, низвергнутый с Небес за грехопадение, и Творец по-своему пытается вернуть блудного сына на путь истинный.

ГОЛОС. Нет. Так этот дебют назовут в двадцатом столетии.

2-й ГОЛОС. Ну, это ещё не скоро. За столько веков я придумаю что-нибудь и покруче!

ГОЛОС. Хорошо, гамбит так гамбит, но по моим правилам: d2-d4.

2-й ГОЛОС. А может быть, сыграем лучше в кости?

ГОЛОС. Ты снова за своё? Я и так знаю: ты будешь метать шестёрки... а для противника и тройки станут чудом...

2-й ГОЛОС. Тебе такое не под силу?

ГОЛОС. Шути — но меру знай!.. А шахматы — великая игра: всё на виду, всё честно. Да будет свет!

Темнота сменяется светом, становятся видны Творец и Мефистофель за шахматной доской.

МЕФИСТОФЕЛЬ (*прикрывая глаза рукой*). А свет зачем, Создатель?!

ТВОРЕЦ. Затем, Мефистофель, что понял я — что это хорошо. Хотя тебе, конечно, тьма милее... Ну, что там, на Земле?..

МЕФИСТОФЕЛЬ. А что там может быть нового? Какими Ты их создал... (*Делает ход.*) Что создано из праха — не благоухает! Шах!

ТВОРЕЦ. От шаха ещё никто не умирал... (*Делает ход.*) А жаль. Ведь я давал им шанс.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Они этого не заметили! Вот ведь парадокс: самое слабое существо на планете стало самым сильным, вооружено до зубов, а обладает всё той же моралью маргитки! А Ты им дал ещё зачем-то разум!

ТВОРЕЦ. Я дал им душу.

МЕФИСТОФЕЛЬ. О да! В каждом — искра Божья, но из неё никак не возгорится пламя! Они её и в грош не ставят, душу!

ТВОРЕЦ. Но ценишь ты! За чем бы ты охотился так рьяно, не будь у них души?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Спасибо за заботу! Не тем тварям Ты дал душу.

ТВОРЕЦ. Тебя я не спросил! Хотя... сначала я подумал о дельфинах... Какие красивые и умные существа! У них даже свой язык есть, хотя его никто не понимает...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Вот и дал бы им душу!

ТВОРЕЦ. И пришлось бы тебе, Мефистофель, работать в водной стихии — а ты воды боишься...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Только святой. Ну... ещё из-под крана.

ТВОРЕЦ. А потом... Чем чёрт не шутит, подумал я, не создать ли мне по образу и подобию своему человека?.. И сделал я это совсем не для тебя! Шах!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Знавал я шахов, от которых умирали... *(Делает ход.)* А следом Змея, моя родная тётка, объяснила ему, что он тоже может плодиться и размножаться. И что получилось?

ТВОРЕЦ *(задумчиво)*. Человечество... Хотя оно мне виделось иначе...

МЕФИСТОФЕЛЬ. А кто первый начал?! Зачем Ты смешал ему языки? Зачем устроил это вавилонское столпотворение?!

ТВОРЕЦ. Это у тебя в голове вавилонское столпотворение. Не я — они решили построить столпы до самого неба! Интересное дело: никому на ум не пришло прорыть туннель, чтобы добраться до самого пекла... Или пришло бы, не смешай я языки?..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Но ведь с этого всё и началось: государства национальные, которым вечно мало собственной территории, и государства многонациональные, которым её тоже мало. И национальные проблемы. И межнациональная рознь... И косые взгляды на тех, кто говорит на другом языке... И дипломаты, которые чем больше говорят, тем больше лгут...

ТВОРЕЦ. Зато я дал толчок прогрессу: и переводчики появились, и художественный перевод, и великие поэты, тот же Гёте, звучат на многих языках — а это помогает народам лучше понимать друг друга... Это их сближает...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ха! Возьми, к примеру, тех же славян! Как же их сближает общность языков, на которых они могут говорить, но не могут договориться!

ТВОРЕЦ. Похоже, у тебя цугцванг.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Не у меня цугцванг, Создатель. Пора Тебе вмешаться в их дела!

ТВОРЕЦ. Но это люди!..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Пешки на шахматной доске!

ТВОРЕЦ. Они не пешки — я им дал свободу воли...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ты дал им слишком много воли!

ТВОРЕЦ. Нет, ровно столько, чтоб выбирали меж добром и злом и отвечали за свой выбор, и вмешиваться в их дела не буду.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Что?! И это говоришь Ты — Тот, Кто, не колеблясь, уничтожил Содом и Гоморру?!

ТВОРЕЦ. А может быть, я действовал недемократично?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Что за словечко?!

ТВОРЕЦ. Ты не знаешь слова «демократия»? А за ней, между прочим, будущее.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Создатель, если Тебе не под силу исправить человека, его никакая демократия не исправит. *(Делает ход)*. Что ж, съем я эту пешку для разминки.

ТВОРЕЦ *(делает ответный ход)*. А я слоном её прикрою.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Я съем слона!

ТВОРЕЦ. И на здоровье. А эта пешка в эндшпиле пройдёт в ферзи.

МЕФИСТОФЕЛЬ. А говоришь, фигурки на доске — не люди. Я знаю эту пешку — это доктор Фауст.

ТВОРЕЦ. Серьёзно?..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Кто же не знает знаменитого доктора Фауста, превзошедшего самого себя во множестве наук и вечно твердящего о благе человечества.

ТВОРЕЦ. Боюсь, я и сам не очень понимаю, что это такое — благо человечества, но всё равно отрадно это слышать...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Так вот зачем Ты жертвуешь фигуру! Беру слона, а эта пешка сейчас сама уйдёт с доски! Мир её праху...

Сцена 2-я

Кабинет Фауста. Книжки, склянки, реторты, микроскопы, телескоп, разного рода и назначения инструменты для разных областей наук, на видном месте человеческий череп. Ночь.

ФАУСТ (*пожилой человек; типичный облик средневекового учёного*). Не то! (*С отчаяньем отбрасывает перо и бумагу, на которой что-то писал*). Не то! (*Расшвыривает манускрипты и фолианты*.) Великие предшественники, которыми я пичкал своих студентов... Не то!.. Сизифов труд: чем глубже пытаешься проникнуть в смысл, тем яснее, что в этом вообще нет смысла!.. Сущности множатся, а вспышки озарений лишь подчёркивают глубину мрака!.. Наука перемешана с мистикой. Ньютон и Коперник ещё не родились. А я... потратил жизнь на то, ради чего вообще не стоило жить... Тупик! Замкнутый круг! Я знаю только то, что ничего не знаю... Если что-то есть за той, последней гранью, таким он и будет, мой персональный ад! Не геенна огненная, не кипящая смола, а изнуряющие бессонные ночи, бесконечные вычисления, не дающие ответа, — безостановочная гонка по кругу... (*Пауза*.)

Ты мнишь себя Прометеем, готовым пожертвовать собой, чтобы дать людям огонь, но нет, доктор Фауст, на самом деле ты Сизиф. Жалкий средневековый Сизиф! (*Пауза*.) Бедняга Сизиф... Он катит свой камень в гору — и как же всё просто и понятно: вот ложбинка, в которой лежал камень, вот склон, а вот и вершина, до которой нужно добраться. Но гора, которая так манила к себе издали, становится всё выше и круче, склон — всё отвеснее, камень — всё тяжелее, а сил всё меньше! На мгновенье он ухитряется оглянуться назад и... вдруг видит совершенно незнакомый пейзаж: горизонты раздвинулись — но ведь и за ними тоже лежит неизведанное... а та ложбинка... такая знакомая, такая изученная и исхоженная вдоль и поперёк, пока он примерялся к камню... превратилась в крохотное пятнышко... Малюсенькая точка... в огромном мире, о котором он не знает ровно ничего... И всё... камень срывается... И с грохотом катится вниз... И это единственное твёрдое знание, в котором он может быть уверен до конца...

Бедняга Сизиф...

Но он всё равно должен спуститься вниз и всё начать сначала...

Даже если в этом нет никакого смысла...

В тяжёлом раздумье смотрит на звёзды за окном.

Сколько тайн в этом мир, безостановочно кружащем вокруг нас... Или мы только воображаем себе, что он кружится вокруг нас, а на самом деле это он несёт нас, маленьких и жалких... куда?.. И зачем?.. Но как мы можем быть маленьким и жалкими, если Творец создал нас по образу и подобию своему! Вот и ещё одна загадка, самая, может быть, главная, на которую нет ответа. Пространство — время — человек! Или наоборот? Человек, пространство и время? А времени уже нет! Из песочных часов, отмеряющих мою жизнь, вытекают последние песчинки... Остаётся лишь один способ... видит Бог, как я хотел его избежать!.. Способ, известный каждому школяру, — сразу заглянуть в конец задачника. (*Ищет среди манускриптов нужный*.) Запретный! Страшный способ! Всё равно что продать душу дьяволу... А у меня есть выбор?! (*Быстро, чтобы не передумать, открывает старинную книгу и невнятно читает из неё таинственное заклинание. Вспыхивает красноватое пламя, в котором является дух*.)

ДУХ (*громовым голосом*). Ты звал меня?

ФАУСТ (*заслоняясь ладонями*). Ужасный вид!

ДУХ. Ты Фауст? Перестань дрожать! Не то развею в прах!

ФАУСТ (*пытается совладать с собой*). Ты дух пространств...

ДУХ. И что с того? Чего ты хочешь?

ФАУСТ (*отчаянно*). Ответов!

ДУХ. Каких?!

ФАУСТ. Ты знаешь тайны мироздания... и бытия...

ДУХ. Ты их недостоин!

ФАУСТ. Но я равен тебе!

ДУХ. Ты равен лишь тому, что сам поймёшь! (*Исчезает*.)

Раздаётся стук в дверь.

ФАУСТ (*вздрагивает от неожиданности*). Кто там? Это ты, Вагнер? (*В сторону.*) Чёрт тебя принёс, недоумка!.. Входи.

Входит Вагнер в ночном колпаке и халате, с лампой в руке. Фауст с неудовольствием поворачивается к нему.

ВАГНЕР (*восторженно*). О герр доктор!.. Профессор, учитель!.. Это... это фантастика!

ФАУСТ (*осторожно*). Что именно, Вагнер?

ВАГНЕР. То, что вы сейчас читали! Какая декламация! Что это — монолог из древнегреческой трагедии?..

ФАУСТ. Тебе что за дело?

ВАГНЕР. Профессор! Как бы я хотел овладеть наукой риторики!

ФАУСТ. Вагнер! Ты адъюнкт, а не оратор, не актёр, в конце концов! Зачем тебе искусство декламации?

ВАГНЕР. А зачем существуют учёные советы? Зачем пишут и защищают магистерские и докторские диссертации?!

ФАУСТ. Не вижу связи.

ВАГНЕР. Но как же, профессор! Вы только представьте себе: вот я написал диссертацию — под вашим мудрым руководством, конечно, — вот я представляю её учёному совету и всех так покоряю своим красноречием, что мне сразу присваивают не магистерскую, а докторскую степень... Да... А с красноречием у меня как раз не очень...

ФАУСТ. Какая чушь! Знал бы ты, сколько перечитал я пустопорожних диссертаций — слова блестят, но ни единой мысли!..

ВАГНЕР. Нет, герр доктор, вы неправы! Когда слова блестят — они слепят и не дают увидеть недочёты! А в результате...

ФАУСТ. А в результате — чепуха!

ВАГНЕР (*не сдаётся*). ...А в результате — степень, звание, почёт и уважение!

ФАУСТ. Но ЧТО твоя диссертация даст науке, учёному миру, человечеству?!

ВАГНЕР. Какая разница! Но как звучит: доктор... доктор Вагнер... Почти как доктор Фауст. Нет — лучше! Доктор Вагнер!.. Профессор Вагнер!..

ФАУСТ (*срывается*). И звание заменит тебе знание?! Ты даже слово «профессор» пишешь с двумя буквами «ф»!

ВАГНЕР. Ха! Главное — назваться профессором, а не то, как это слово пишется! (*На своей волне.*) Доктор Вагнер!.. Ученик самого доктора Фауста! Мы станем вровень... нет, я превзойду!.. Своя кафедра, свои благодарные ученики (*делает движение пальцами, словно считает деньги*), своё место в учёном совете...

ФАУСТ. Чужое место!

ВАГНЕР. А кто осмелится сказать об этом?!

ФАУСТ (*с досадой*). Вагнер, оставим спор, нам обоим пора спать.

ВАГНЕР. Профессор! Можно мы продолжим завтра? Ведь завтра пасха, свободный день... (*Не дождавшись ответа, выходит.*)

ФАУСТ. Завтра, завтра... нет смысла в этом «завтра»! Страница с ответами вырвана... Призрак... Потом Вагнер... (*Пауза.*) А чем я лучше Вагнера? Тем, что у меня есть идеалы и порядочность?.. Но разве мои идеалы сделали мир идеальным?.. Или моя порядочность сделала более порядочным хотя бы одного человека?.. Если б я мог начать всё сначала... Но это никому не дано... Посадить дерево, построить дом, воспитать сына... А я пытаюсь воспитать Вагнера... Бред! Ничего не исправить... Кроме одного — того, что я ещё живу... Где она, та реторта? В которой отец варил травы забвенья... Где его заветный кубок?.. Что за чертовщина! Я всегда знал, что они пригодятся?.. Что ж... я готов (*подносит кубок к губам, но медлит*). Наверное, надо сказать напоследок что-нибудь... Что-нибудь значительное... Прах — к праху. А душа... в те пространства, в которые рвалась всегда... Нет, лучше записать (*делает шаг к своему рабочему месту*). Для кого? Для Вагнера? Не тяни, Фауст!

Подносит бокал к губам.

Внезапно раздаётся колокольный звон, слышно пение.

ХОР АНГЕЛОВ.

Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес!

Преодоление

Смерти и тления

Славьте, селения,

Пашни и лес*.

(*фрагмент «Фауста» Гёте, перевод Б.Пастернака.)

ФАУСТ (*отбрасывает кубок, падает на колени*). ...А я едва не сделал это!

Сцена 3-я

На небе. Снова Творец и Мефистофель, играющие в шахматы. Но в эту минуту они оторвались от партии — словно прислушиваются или наблюдают за тем, что происходит на Земле.

МЕФИСТОФЕЛЬ. И говоришь, Ты не играешь в кости?!

ТВОРЕЦ. Ничуть!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А это что?! Внезапный этот колокольный звон — как раз тогда, когда к губам поднёс он кубок!

ТВОРЕЦ. Мефистофель! Что внезапного в празднике, которому уже больше тысячи лет?! Не я его придумал — сами люди.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Но как же?..

ТВОРЕЦ. Всё так же, как всегда, Мефистофель: ты неверно оценил позицию и сделал преждевременный ход. Комбинацию начинают, когда она созрела, а ты бросился в атаку из-за пешки...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Я всё равно её возьму — пусть в миттельшпиле. И Ты не сможешь помешать!

ТВОРЕЦ. Что ж, хорошо, отложим партию — фигуры никуда не убегут. Продолжим позже, а сейчас — поговорим.

МЕФИСТОФЕЛЬ. О чём?

ТВОРЕЦ. О Фаусте.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Так Ты его ведёшь?!

ТВОРЕЦ. Отнюдь. Он добровольно выбирает путь. Однако... кто ищет, вынужден блуждать...

МЕФИСТОФЕЛЬ. А если я вмешаюсь?..

ТВОРЕЦ. Ну не я же! А ты... пожалуй, вправо... Иначе в твоём существовании вообще не было бы смысла. Возможно, ему необходима встряска...

МЕФИСТОФЕЛЬ. О! Я его встряхну! Он будет мой!

ТВОРЕЦ (*с иронией*). Уверен?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Пари! И вот моя рука!

ТВОРЕЦ (*разумеется, он не пожимает руку Мефистофелю*). Попробуй. Он вырвется из тупика. Но ты — попробуй. И заходи (*кивает на шахматную доску*), продолжим. Ты шутишь и плутишь, но нужен мне... как дух противоречья... (*Уходит.*)

МЕФИСТОФЕЛЬ (*щёлкает пальцами*). Ну что ж! Играем Фауста!

Сцена 4-я

Кабинет Фауста. День. Фауст и Вагнер возвращаются после прогулки. У них под ногами, дружелюбно виляя хвостом, вертится забавный пудель (живая собака либо кукла, которую ведёт актёр, исполняющий роль Вагнера; вариант — несёт на руках, как несут болонку).

Вагнер напевает какую-нибудь глупость. Например: «Какой чудесный день, какой чудесный пёс, какой чудесный мир, какой чудесный миг...»

ВАГНЕР. Чудесная прогулка, профессор! Чудное пасхальное воскресенье! А этот пёс, который к нам прибился!..

ФАУСТ (*мрачно*). Наверное, потерял хозяев, вот и рад прибиться к кому угодно.

ВАГНЕР (*играя с пуделем*). Нет, герр доктор, он почувствовал, что люди вас любят!.. Я и не знал, что вы спаситель этого края от чумы!

ФАУСТ. Скорее — мой отец... я только помогал... о чём до сих пор жалею...

ВАГНЕР. О чём?!

ФАУСТ. Мой отец был оригинал-алхимик, запирался в старом каретном сарае со своими адептами и изобретал диковинные рецепты от всех болезней...

ВАГНЕР. Но ведь какая польза человечеству от таких лекарств!

ФАУСТ. Намного больше — фармацевтическим фирмам и аптекам! Тяжёлый крест несу я на душе... Но... вынужден слушать похвалы и... молчать. Ещё неизвестно, от чего ушло на тот свет больше больных — от чумы или от вакцин отца... Мёртвые не расскажут...

ВАГНЕР. А те, кто выжил?

ФАУСТ. Тем более. Откуда им знать — выздоровели они благодаря вакцине или вопреки...

ВАГНЕР (*продолжая играть с пуделем*). Бросьте, доктор! Сегодня праздник! А вы заметили тех двух студентов? На них посматривали две чудные девушки (*хихикает*), а они побежали вдогонку за горничными!..

ФАУСТ (*рассеянно*). Ступай, Вагнер, я хочу поработать.

ВАГНЕР. В святой праздник?!

ФАУСТ. Затеял я святое дело, Вагнер, — перевести на родной язык Священное Писание.

ВАГНЕР (*изумлён*). Профессор!.. Я ухажу (*уходит; пудель остаётся в кабинете — где-нибудь в укромном углу: для дальнейшего действия достаточно, чтобы он давал знать о себе поскуливанием, подвыванием, лаем*).

ФАУСТ (*берёт книгу, перо, бумагу*). «В начале было **Слово**». (*Задумчиво.*) «В начале было **Слово**»... Я ошибся в переводе? Ведь подразумевается... действие?.. Какая сила должна быть в слове, чтобы оно стало действием?.. Да... но если слово овладевает сознанием человеческих масс... Нет, здесь о другом... Однако слову должна предшествовать мысль!.. Но мысль всегда облечена в слова... Снова замкнутый круг?.. Фауст, Фауст! Это поэзия! А ты хочешь поверить её алгеброй? Ты строишь параллелограммы сил! А на самом деле хочешь только одного — стереть из памяти прошлую ночь, вытеснить её — чем угодно!.. Тогда работай! «В начале было **Слово**»... (*Пудель в углу начинает скулить и подвывать.*) Цыц! Не мешай — не то выгоню вон! (*Пудель агрессивно лаем.*) Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому. (*Фауст берёт другую книгу, читает из неё заклинание.*)

Саламандра, жгись,

Ундина, вейся,

Сильф, рассейся,

Кобольд, трудись!

(**фрагмент «Фауста» Гёте, перевод Б.Пастернака.*)

Пока звучит заклинание, слышно (если технические возможности театра дают такую возможность — то и видно), как по кабинету с визгом мечутся духи преисподней: «Караул!»; «Наш брат в ловушке!»; «Надо ему помочь!»; «Надо себе помочь!» Духи развеиваются. Пудель окутывается облаком дыма, из дыма появляется Мефистофель, разодетый франтом.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Почтительнейше приветствую вас, доктор! Ну и задали вы мне жару!

ФАУСТ. Ты кто такой?

МЕФИСТОФЕЛЬ (*торжественно*). Я часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо.

ФАУСТ. А попроще нельзя?

МЕФИСТОФЕЛЬ. А! Зови меня просто по имени — Мефистофель.

ФАУСТ. И каким таким образом у тебя зло оборачивается добром?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ну и вопрос! А кто знает, где кончается добро и начинается зло? И зло может стать добром. И наоборот. Да ты и сам знаешь!

ФАУСТ (*с горечью*). Знаю... Благими намерениями вымощена дорога в ад...
(*Задумывается — видимо, о том, о чём только что говорил Вагнеру.*) Ладно! Зачем явился?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Помочь! Развлечь! Расшевелить! Смотри, какой наряд! И для тебя (*показывает на стоящий на полу у его ног баул*) — ничуть не хуже. Переодевайся — и в путь!

ФАУСТ (*горько смеётся*). Мёртвому припарки!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*тоже смеётся*). Ты шутишь, Фауст! Ты скорее жив, чем мёртв! Зря твой батюшка варил яд!..

ФАУСТ (*с напором*). Так ты?..

МЕФИСТОФЕЛЬ (*с обезоруживающей улыбкой*). О, я не всеведущ, я лишь искушён.
(*Меняет тон.*) И готов сделать тебе предложение, от которого, как станут выражаться лет через семьсот, ты не сможешь отказаться: начать всё сначала.

ФАУСТ. Нет! Хватит с меня миражей прошлой ночи!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Однако я серьёзен!

ФАУСТ. Нет!

Вновь слышно (если возможно — то и видно), как по кабинету с визгом мечутся духи преисподней: «Он отказался!»; «А мог бы!»; «Ему дали шанс!»; «Он просто тупица!» Духи развеиваются.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Подумай ещё раз.

ФАУСТ (*колеблется*). А что потребуешь взамен?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Пустяк! Сейчас не будем говорить об этом!

ФАУСТ. А я скажу без обиняков: я душу готов отдать, чтобы сделать то, чего до сих пор не сделал! И чтоб увидеть результат!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Увидишь!

ФАУСТ. Но если будет результат не тот — наш договор не в счёт!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А ты не сомневайся — и будет тот!

ФАУСТ. Тогда скажу: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» — и всё, я твой!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Я запомню. А чтобы ты запомнил — вот договор. Одна лишь капля крови — подпиши!

ФАУСТ. Кровью?

МЕФИСТОФЕЛЬ. А чем подписывают контракты у вас?

ФАУСТ. Чернилами.

МЕФИСТОФЕЛЬ (*смеётся своим фирменным мефистофельским смехом*). Ха-ха-ха!
Наивный Фауст! Да кое у кого из тех, кто их подписывает, и руки по локоть в крови!

ФАУСТ (*подписывая*). Ну, подписал — а что изменилось? Ничего не чувствую.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Сейчас почувствуешь! Секунду!

Сбрасывает с плеч накидку и набрасывает на плечи Фауста. По сцене проносятся тени духов, феерически меняется освещение, слышны взвизги и громовой удар. Освещение становится прежним.

ФАУСТ (*теперь он в облике Мефистофеля — другими словами, актёр, который секунду назад был Мефистофелем, с этого мгновенья — Фауст; подходит к зеркалу*). Это я, доктор Фауст? Не может быть!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*другими словами, актёр, который секунду назад был Фаустом*). Дай к телу твоему привыкнуть. (*Постепенно распрямляет спину, расправляет плечи и возвращает себе осанку Мефистофеля*). Порядок! Чему ты удивляешься, доктор Фауст?! Для человека, который на «ты» с самим чёртом, нет ничего невозможного!

ФАУСТ. А что за женщина там, в зеркале, вдали?! Она прекрасна!..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Оставь. Будет тебе и женщина! (*В сторону.*) Теперь ему любая покажется Прекрасной Еленой Троянской.

ФАУСТ. Но самое необходимое я должен взять в дорогу (*выходит*).

Раздаётся стук в другую дверь.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Войдите!

Входит Вагнер.

ВАГНЕР. Что за накидка на вас, герр доктор?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Я собираюсь в дорогу. А кто вы?

ВАГНЕР. Герр доктор, это вы или не вы? Это же я, Вагнер, ваш адъюнкт. А вы... какой-то другой... да ещё эта накидка...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ах, Вагнер?! Ну, конечно, это я. Чего тебе нужно?

ВАГНЕР. Я хотел проконсультироваться. У меня возникли сомнения по поводу диссертации — может быть, вообще выбрать другую тему?..

МЕФИСТОФЕЛЬ. А какую тему мы выбрали?

ВАГНЕР (*с удивлением*). Философию...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ах, философию! Слова, слова — а много в них проку? Суха теория, мой друг, но пышно зеленеет древо жизни!

ВАГНЕР. Тогда, может быть, законоведение?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Занятие для крючкотворов. Тут нужна не теория: лучше сразу стать судьёй или прокурором и решать споры истцов и ответчиков — взял взятку и у того, и у другого, а после повернул дело так, что оба остались в дураках, а ты — при деньгах!

ВАГНЕР. А если богословие?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ну уж нет! Это такие дебри (*в сторону*), что даже само моё существование может оказаться под сомнением!

ВАГНЕР. А медицина?..

МЕФИСТОФЕЛЬ. О, это легко. Но лучше сразу заняться практикой! О, какие гонорары! И женщины, женщины, женщины! Ведь у них столько болезней...

ВАГНЕР. В самом деле?..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ты, главное, не мешай им так думать!

ВАГНЕР. Профессор! У меня уже дрожат руки от нетерпения... но в голове — сумбур. Что выбрать?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Плюнь ты на эту диссертацию! На самом деле, вижу, тебе нужно много больше — весь мир!

ВАГНЕР (*заворожённо*). Весь мир...

МЕФИСТОФЕЛЬ. И я могу его тебе преподнести в конфетной обёртке!

ВАГНЕР. Как?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Просто, как яичница! Только нужно иметь смелость разбить два-три яйца! (*Смеётся своим фирменным мефистофельским смехом.*)

Входит Фауст с небольшим саквояжем в руке.

ФАУСТ. Я готов.

ВАГНЕР. А это кто?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Я обзавёлся помощником, его зовут... Генрих! Всё, Вагнер, мы уходим, но я ещё вернусь — мы договорим наедине.

Выходят.

ВАГНЕР. Весь мир в конфетной обёртке... Весь мир — не какая-то там жалкая кафедра. Все богатства мира — а не какие-то там жалкие благодарные ученики... Действительно! Какую чушь я примерял на себя! Для чего? Чтобы кончить, как Фауст?! Пыльные книги, от которых нет никакой пользы... эти реторты с засохшим содержимым... предметные стёклышки, покрытые плесенью!.. А там — весь мир: и слава, и могущество, и любые женщины на выбор!.. А тут — этот дурацкий череп!.. (*Берёт череп в руки, поворачивает так и так.*) Ну, чего ты скалишься, бедный Йорик?! Тебе мало, что ты столько лет скалился над Фаустом? Надеюсь, что будешь так же скалиться и надо мной?!

Отбрасывает череп, выходит; сцена трансформируется.

Сцена 5-я

Городская улица. Мефистофель уже успел сбросить одежду Фауста. Теперь оба одеты одинаково: камзолы, накидки, шляпы, шпага на боку. У Фауста подбородок, который до того украшала мефистофельская борода, чисто выбрит. У Мефистофеля исчезла с лица фаустовская борода: его лицо остаётся лицом Фауста, но борода стала мефистофельской.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Дыши, Генрих! После твоей кельи даже дышится легче.

ФАУСТ. Потому что автомобилями ещё не изобрели. А вот канализацию — не мешало бы...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Доктор! Это же средневековье, почти пещерный век. Или ты думаешь, что в ваших пещерах благоухала «Шанель» №5? А канализацию изобретут — лучше станет? То порыв, то утечка, то трубу в подвале на металлолом украли... Ваши пещеры станут многоэтажными, а всё равно будете жить как в пещерном веке. Смотри, какая красота!

ФАУСТ. Это она — та женщина из зеркала...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Так не теряйся!

ФАУСТ. Но ты мне помоги...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Увы, Генрих, она идёт из церкви, с исповеди, а я ту исповедь подслушал: она — непорочна. А значит, и моей власти над нею нет.

ФАУСТ. Но я боюсь, что не смогу...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Да, в душе ты всё тот же робкий Фауст, но ты забыл, что во плоти ты — чёрт! К тому же рядом я — Фауст во плоти и Мефистофель в сущности своей. Где смогу, помогу по мелочи. А пока могу помочь только одним: её имя — Маргарита. Ну, Гретхен — по молодости лет...

ФАУСТ. А что дальше?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Импровизируй, олух!

ФАУСТ. Извините, фрау, разрешите спросить...

ГРЕТХЕН. Фройляйн.

ФАУСТ. Простите, фройляйн, я волнуюсь, но дело в том...

ГРЕТХЕН. Дело в том, что разговаривать на улице с незнакомцами — неприлично!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*делая шаг вперёд*). Прошу прощения, но вы, возможно, знаете меня. Я доктор Фауст.

ГРЕТХЕН. Тот самый доктор Фауст?! Я много хорошего слышала о вас! Но мне казалось, что вы старше.

МЕФИСТОФЕЛЬ. О, современная медицина творит чудеса, и я выгляжу моложе своих лет... Впрочем, вам об этом думать рано.

ГРЕТХЕН. Ну почему? Думать о том, как сохранить молодость и красоту, никогда не рано.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Какое разумное суждение, фройляйн. Вы приводите меня в восторг! Но позвольте сначала, чтоб соблюсти приличия, представить вам моего спутника — зовут его Генрих, он не из наших мест, принадлежит к хорошему роду, но, к сожалению, у него беда.

ГРЕТХЕН. Что случилось?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Умер его дядя, оставив громадное наследство.

ГРЕТХЕН. Какое несчастье...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Вдвойне несчастье! По завещанию дяди, Генрих должен быть женат, чтобы наследство не развеялось по ветру, а передавалось из поколения в поколение, а он, к сожалению, холост, и у него всего три дня в запасе...

ГРЕТХЕН. На что три дня?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Чтобы жениться. Иначе наследство отойдёт собору Святого Ганса. Дядю Генриха звали Гансом, и этот святой был его покровителем.

ГРЕТХЕН. Но это богоугодное дело.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Конечно! Но как же Генрих? С отчаянья он даже побежал к гадалке, и та предсказала ему, что именно в нашем городе, в этот час и на этой улице он встретит свою суженую...

ФАУСТ (*обретая дар речи*). Но она сказала, что та обязательно должна зваться Маргаритой! Вот я и хотел спросить, не знаете ли вы, фройляйн, какую-нибудь Маргариту, чтобы жила поблизости...

ГРЕТХЕН (*колеблется*). Я не знаю... Вообще-то меня тоже зовут Маргаритой, но вряд ли...

МЕФИСТОФЕЛЬ (*с жаром*). Так это вы и есть! Или есть поблизости другая Маргарита?

ГРЕТХЕН. Нет, на этой улице — только я...

МЕФИСТОФЕЛЬ (*с жаром*). Вот видишь, Генрих, сбылось предсказание гадалки — а ты не верил! Вручай же скорее подарок, который ты приготовил для своей суженой!

ФАУСТ (*в растерянности*). Какой подарок?..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Генрих! Ну то кольцо с брильянтом!.. (*Украдкой суёт замшевый мешочек.*)

ФАУСТ (*перебирая содержимое*). Ну да... Кольцо с брильянтом... Вот...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Но гадалка сказала, если оно не будет впору, это не та Маргарита! Примерьте же скорее, фройляйн Гретхен!

ГРЕТХЕН (*растерянно*). Оно мне впору...

МЕФИСТОФЕЛЬ (*в сторону*). А иначе и быть не могло!

ФАУСТ. А тут ещё серёжки золотые... кажется, тоже с брильянтами...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Немедленно примерьте, фройляйн!

ГРЕТХЕН (*растерянно*). Они мне к лицу?..

МЕФИСТОФЕЛЬ (*доставая из воздуха зеркало*). К лицу! К лицу! Смотрите сами, фройляйн! Ну, Генрих, что там у тебя ещё?!

ФАУСТ (*передавая весь мешочек*). Да что там! Всё это вам, Гретхен!

ГРЕТХЕН (*растерянно*). Какие красивые и дорогие вещицы... И вы так запросто их отдаёте мне?..

ФАУСТ. Ах, побрякушки!.. А я готов отдать вам всё — руку, сердце, душу!.. Нет, о чём я? Моё сердце уже ваше, с той секунды, как я вас увидел, я полюбил вас с первого взгляда! Знали бы вы, Гретхен, как я вас люблю!

ГРЕТХЕН. А если я вас недостойна, Генрих?..

ФАУСТ. Этого быть не может!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Конечно, вам нужно лучше узнать друг друга, но... времени в обрез!.. Ах, Гретхен, подарите Генриху только один этот вечер, а утром — под венец!

ГРЕТХЕН. Но моя матушка... она может рассердиться...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Когда она заснёт, вы Генриха впустите в дом...

ГРЕТХЕН. Но матушка спит так чутко...

ФАУСТ. Я что-то недодумал, сейчас вернусь (*убегает*).

МЕФИСТОФЕЛЬ. Вот лекарство для вашей матушки. Накапайте пять капель в её питьё, она заснёт — ни звука не услышит...

ФАУСТ (*возвращается нагруженный коробками, пакетами*). Я заскочил в ночной бутик — здесь всё, что будет нужно нам для свадьбы. А это — лучшие французские духи!

ГРЕТХЕН (*заворожённо*). Духи... (*Решается.*) Вот моё окно. Как матушка заснёт, я дам вам знак (*уходит*).

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ну, понял, как надо действовать, простофиля?

ФАУСТ (*смеётся*). А я способный ученик: всегда был первый.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Наверное, в арифметике! А женщины — высшая математика! (*Гретхен подаёт знак из окна.*) И вот об этом тоже не подумал (*извлекает из воздуха бутылку*). Шампань! Весьма способствует занятиям высшей математикой! (*Фауст берёт бутылку и уходит; Мефистофель извлекает из воздуха гитару.*)

Чтоб девушка попалась в сеть,

О нравственности буду петь.
(Поёт под гитару.)
Смирная дрожь,
Зачем под нож,
Катринхен, к милому идёшь
И гибели не видишь?
Пусть он хорош,
Пусть он пригож, —
Ты девушкой к нему войдёшь,
Но девушкой не выйдешь.
Он для проказ,
Не обручась,
Возьмёт что надобно от вас,
И — с богом, до свиданья!
А нужен глаз,
На всё отказ,
Чтоб честь осталась про запас
До самого венчанья.*

(*фрагмент «Фауста» Гёте, перевод Б.Пастернака.)

*Из окна на миг выглядывает Фауст, грозит Мефистофелю кулаком и снова исчезает.
Появляется Валентин. Он слышал последние катрены куплетов и видел Фауста,
выглядывающего из окна Гретхен (но Фауст его не видел).*

ВАЛЕНТИН (выступая вперёд, кричит). Я здесь, Гретхен, не сдавайся! (Мефистофелю.)
Тебе каюк! А после — и тому прохвосту!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ты зачем разбил гитару?! Кто ты такой, чёрт тебя побери?

ВАЛЕНТИН. Брат! И честь сестры я защищу!

МЕФИСТОФЕЛЬ (достаёт шпагу). Попробуй!

ВАЛЕНТИН (тоже выхватывает шпагу). Ещё как попробую!

Начинается фехтование. Валентин теснит Мефистофеля.

МЕФИСТОФЕЛЬ (между ударами шпаг). Да, доктор Фауст!.. Да, твой дух высок!.. Зато о теле ты заботился не очень!.. Хотя б зарядку делал по утрам!.. Вот!.. Я чуть не пропустил удар!..

ВАЛЕНТИН. Что ты бормочешь?! Молитву перед смертью прочитай!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Силы ада!.. Молитвы мне только не хватало! (Постепенно восстанавливает сноровку заядлого фехтовальщика.) Ну как? Я хорошо фехтую?

ВАЛЕНТИН. Тебе о том расскажет гробовщик!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А может быть, тебе?!

ВАЛЕНТИН. Что за чёрт! Я бьюсь будто с самим дьяволом!.. Моя рука!..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Прощай, солдат! (Выпад.) Ну вот, тебе капут!..

Затемнение. Когда свет загорается снова, Фауст и Мефистофель стоят на авансцене.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ну, говори — мгновенье, ты прекрасно.

ФАУСТ. Какое, к чёрту, прекрасно! Такая девушка, а я... Послушай, Мефистофель, а может быть, и правда пойти с ней завтра под венец?

МЕФИСТОФЕЛЬ. В тюрьму пойдёшь ты завтра, а не под венец!

ФАУСТ. За что?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А брат её убит! Под её окном заколот шпагой.

ФАУСТ. Как?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Он был солдат. Увидел под окном любимой сестры какого-то повесу и схватился за шпагу. Вступился за честь сестры... Но тебе повезло больше.

ФАУСТ. Как мне?! Меня там не было! Там мог быть только ты!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Но опознали тебя! Кто-то так и сказал: вылитый доктор Фауст, хотя и разодетый франтом...

ФАУСТ. Но у меня есть алиби! Я был с Гретхен...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ещё хуже. Брат — это ещё не всё. Слышишь крики?! Её мать мертва — а ты как раз был там. (*В сторону.*) Хватило бы и двух капель, а я велел дать пять — хотел как лучше, а вышло... как всегда. Дорога в ад вымощена благими намерениями...

ФАУСТ. И что теперь?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Бежать! Лететь! Короче, прочь отсюда!

ФАУСТ. Куда?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. На шабаш ведьм! Там тебя искать не будут!

ФАУСТ. Лети один, я возвращаюсь к Гретхен!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Решай скорее, Фауст, а иначе будет поздно! Ну что? Летишь ты или нет?..

Вновь слышно (если возможно — то и видно), как по сцене с визгом и воплями несутся духи преисподней. Звучат первые такты «Полёта валькирий» Рихарда Вагнера, на пике напряжения неожиданно наступает темнота.

Сцена 6-я

Вальпургиева ночь. В темноте продолжает звучать «Полёт валькирий».

«Декорацией» сцены служит абсолютная космическая чернота — действие происходит словно вне времени и пространства. Вакханалию шабаша нечистой силы передают звуковые (визг, завывания, зубовный скрежет, смех, неразборчивые возгласы и т.д.) и светотехнические эффекты (в частности, могут быть использованы приёмы театра теней и любые другие изыски, которые придут на ум режиссёру). Шабаш в разгаре. Прожектор выхватывает из черноты Мефистофеля и Фауста.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Любуйся, доктор, — хороши! А что творят! Бегут, летят! Орут, хохочут и визжат! Ну как?! Стоит зрелище того, чтобы его увидеть?! Эй, не толкайтесь!..

ФАУСТ (*без выражения*). Дискотека...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Так точно! Шабаш!

ФАУСТ. Каждую ночь?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Нет, только раз в году — под день Вальпургии. Зато, смотри, вокруг наш лучший цвет! Заметь, сказал я «цвет» — не свет!

ФАУСТ. Точно. Цветут и пахнут.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ты просто не в настроении, доктор! Вон, посмотри — молоденькие ведьмы! Как скачут нагишом!.. Сейчас сведу тебя с ними — и через миг воскликнешь сам: остановись, мгновенье, ты прекрасно!

ФАУСТ (*хватает Мефистофеля за рукав*). Смотри!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Да что там?

ФАУСТ. На краю... (*Включается ещё один прожектор и высвечивает Гретхен, проходящую по краю сцены в рубище.*) Это она... Гретхен!..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Не вижу!

ФАУСТ. Чёрт! Она в колодках!..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Это бред!

ФАУСТ. И след на шее... от секиры палача?.. Домой, немедленно домой!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Опомнись! Прямо в руки ищек, которые рыщут по городу и ищут убийцу? Тебя ищут!

ФАУСТ. Нет, нет, домой!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А труп старухи в доме, где был ты?!

ФАУСТ (*теряя сознание*). Домой!

Гаснут звуки шабаша. Только Мефистофель и Фауст, скрюченный у его ног, остаются на авансцене. Свет гаснет полностью.

Действие второе

Сцена 1-я

На небе. Творец и Мефистофель продолжают прерванную шахматную партию.

ТВОРЕЦ (*голос в темноте*). А ход не лучший...

МЕФИСТОФЕЛЬ (*тоже в темноте*). Пожалуй, да, немного импульсивный. Но что делать, правила есть правила: тронул — ходи.

ТВОРЕЦ. Просить вернуть не будешь?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Нет! Правила есть правила! Я плут, но плут честный. К тому же и в этой позиции можно бороться за победу.

ТВОРЕЦ. Бороться — можно, победить... посмотрим... (*Постепенно набирает силу свет.*)

МЕФИСТОФЕЛЬ. Из принципа я должен победить!

ТВОРЕЦ. Так у тебя и принципы есть? Тогда скажи, за каким чёртом ты захапал ещё и Вагнера?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Из принципа. Шучу! Подвернулся под руку... вот я и подумал... Хотя, если честно, сомнительное приобретение...

ТВОРЕЦ. Видели очи, что покупали...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Может быть, я и тогда поступил импульсивно... Но что поделаешь... правила есть правила: тронул свою фигуру — ходи, тронул чужую — бери... Лучше бы я его не трогал! Но тогда... А, ладно, подумал я, не пропадать добру...

ТВОРЕЦ. Ничего себе добро...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Да... Душонка у него... Когда попадёт к нам, вони будет на всё пекло...

ТВОРЕЦ. Чем ты его соблазнил?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Весь мир в конфетной обёртке.

ТВОРЕЦ. Кучеряво! Так и в договоре написано?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Там много чего написано. Сначала он потребовал бессмертия...

ТВОРЕЦ. Но ты же понимаешь...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Поэтому и объяснил ему популярно... А потом... как начал он пальцы загибать... Шах!

ТВОРЕЦ. Трепыхаешься? А позиция лучше не стала.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Посмотрим!.. Снова шах!

ТВОРЕЦ. Надеешься на вечный шах? Но вечный шах — это всего лишь ничья.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ничья тоже неплохо...

ТВОРЕЦ. А вот такой ответ ты проглядел... И кто он у тебя теперь?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Вагнер? (*Кивает на шахматную доску.*) Он, так сказать, король... одной полутуземной империи.

ТВОРЕЦ. А последнее условие контракта?..

МЕФИСТОФЕЛЬ. В отличие от Фауста, он долго артачился, но потом всё-таки придумал: когда наестся досыта... В фигуральном смысле, конечно. Славы, почестей, роскоши, женщин... ну... всего... Он сейчас по всей империи собственные памятники ставит...

ТВОРЕЦ. Он же не наестся никогда.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Конечно. Поэтому и придумал такое условие.

ТВОРЕЦ. Скорее, лопнет.

МЕФИСТОФЕЛЬ. А мне не один чёрт? Всё равно будет мой.

ТВОРЕЦ. А можно посмотреть твой контракт с Фаустом? Кстати, его облик тебя красит, ты стал... как бы точнее выразиться... представительнее... нет, наверное, интеллигентнее... во всяком случае, больше располагаешь к себе.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Контракт? Пожалуйста (*извлекает из воздуха*). А облик... слишком профессорский... скоро верну себе свой собственный, недолго осталось.

ТВОРЕЦ. Любопытный контракт.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Всё в нём нормально!

ТВОРЕЦ. Тебе виднее. А почему недолго?.. Тоска по Гретхен сведёт профессора в могилу?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Знаешь, после обморока он будто забыл о ней. Наверное, частичная амнезия... спасительная в некотором роде... Полон энергии, радуется своим успехам как дитя... в общем, мстит себе дорогами благими намерениями... в ад, вот-вот произнесёт: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

ТВОРЕЦ. А не боишься, что начнёт тянуть резину, как Вагнер? И будет если не вечный шах, то пат — та же ничья...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Создатель!.. Фауст — порядочный человек.

ТВОРЕЦ. И я хотел бы убедиться в этом... Давай подробнее — чем он занимается?

МЕФИСТОФЕЛЬ. О!.. Это вопрос! Мы оба служим Вагнеру!

ТВОРЕЦ. Забавно!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ещё как! Самое смешное — это меня Вагнер считает Фаустом... ну, слегка спятившим... поэтому и контракт, подписанный кровью, воспринял как розыгрыш... хотя торговался... всерьёз! Но Ты бы видел его рожу, когда он колол себе палец! Он едва не реготал!.. А настоящего Фауста — в моём обличье — я представил ему как своего помощника Генриха, и намекнул, что это, дескать, посланец... неких сил! Представь себе, его он побаивается!..

ТВОРЕЦ. И что — желанья Вагнера выполняет Фауст?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Конечно, я!

ТВОРЕЦ. А что тогда делает Фауст?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Знаешь, наверное, то, что должен был делать, если бы не запер себя в своей келье, — воплощает в жизнь свои высокие — ха-ха-ха! — идеалы!

ТВОРЕЦ. Ещё подробнее...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Удерживает на плаву экономику... хотя это и трудно с таким правителем, как Вагнер! Развивает науки и искусства, коммерцию и торговый флот... И, знаешь, он искренне печётся о народном благе... нет, о благе всего человечества... Да, действительно!

ТВОРЕЦ. Ну наконец-то! И народ счастлив?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Да разве может быть счастлив народ с таким правителем, как Вагнер! (*В кармане Мефистофеля звонит мобильный телефон.*) Прошу прощенья, это босс... (*Слушает.*) Увы, вызывают на службу. Отложим партию?..

ТВОРЕЦ. Фигуры не сбегут... да и тебе не мешает поразмыслить... перед эндшпилем.

Сцена 2-я

Мефистофель и Фауст на авансцене.

МЕФИСТОФЕЛЬ. А у тебя счастливый вид, Фауст! Наверное, я сейчас услышу?..

ФАУСТ. Что?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Те самые слова! Готов?

ФАУСТ. Почти! Вот он, результат — я уже ощущаю его кончиками пальцев. Последние штрихи — и я готов!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А жаль!

ФАУСТ. Чего?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Тебя! Нас вызывает Вагнер — сейчас он испортит тебе настроение... (*В сторону.*) Боюсь, мне тоже...

Сцена 3-я

Кабинет Вагнера (он похож на кабинет Фауста, но без атрибутов разностороннего учёного, зато украшен аляповатой атрибутикой власти). Вагнер сидит за огромным письменным столом. Позади, на стене, его собственный помпезный портрет в дорогой раме и пёстрый многоцветный флаг.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Вызывали, шеф?!

ВАГНЕР. Где тебя черти носят, Фауст?! И где твой помощник... этот, как его... Генрих?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Уже здесь (*входит Фауст*).

ВАГНЕР. У меня два новых желания, и оба должны быть исполнены немедленно. Первое... Нет, пусть первое будет вторым! Удовольствие прежде всего — служебный долг потом. Хочу Прекрасную Елену Троянскую!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Но у вас уже есть эта... как её... гимнастка, чемпионка всего на свете!

ВАГНЕР. Одно другому не мешает!.. Вот чёрт! Ты сбил меня, Фауст, всё испортил! Ладно! Пусть первое, которое я решил сделать вторым, обратно станет первым. Исполните сначала служебный долг, а уже потом будете думать об удовольствиях!.. Хочу Колхиду и Тавриду!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Но, шеф, Колхида уже ваша!

ВАГНЕР. Правда? И процветает?

ФАУСТ. Нет.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ещё как!

ВАГНЕР. Не понял! Процветает или нет?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Процветает всё: взяточничество, коррупция, казнокрадство... Я ничего не упустил?..

ВАГНЕР. Но по отчётам всё в порядке!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Да, спасибо за подсказку! Очковтирательство и бюрократизм процветают тоже! И не надо так смотреть на Генриха, вы запретили ему вмешиваться в дела Колхиды — посадили там своих людей.

ВАГНЕР. Но это преданные люди... Глубоко преданные!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Конечно! Они беззаветно преданны... своим карманам! А карманы у них глубокие.

ВАГНЕР. Но это богатейший край — он **должен** процветать: там даже золотое руно есть!

ФАУСТ. Был ты, Вагнер, неучем, неучем и остался...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Руно давным-давно вывез Ясон.

ВАГНЕР. Это грек? Почему же в Греции кризис?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Руно кончилось!

ВАГНЕР. И что мне теперь делать с Колхидой?

МЕФИСТОФЕЛЬ (*вкрадчиво*). Лучше спросите, шеф, ЧТО делать с чиновниками, которых вы туда послали! (*В сторону.*) А вдруг придумает — и уже сегодня они будут моими!

ВАГНЕР. Я понял! Я... (*опасливо смотрит на Фауста*) я найшу на них проклятье! А, Генрих?.. Нет, я найшу на них ревизию!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*смеётся своим фирменным мифистофельским смехом*). Ха-ха-ха!

ФАУСТ. Пока твоя инспекция доедет, они там устроят новую войну и покажут развалины: вот, дескать, инвестиции были, но вы же видите...

ВАГНЕР. Тогда, может быть, дать им ещё денег? Я прикажу министру финансов. Ну... может быть, они уже наворовались досыта и теперь хоть что-нибудь пойдёт на дело?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ха-ха-ха!

ФАУСТ. И казна почти пуста!

ВАГНЕР. И что делать?

МЕФИСТОФЕЛЬ (*вкрадчиво*). Шеф, прикажите министру финансов срочно выпустить какие-нибудь ценные бумаги... ну... не знаю... акции, облигации, бонны, сертификаты...

ВАГНЕР. А что, пожалуй, идея!

ФАУСТ. Вагнер! Адьюнкт-недоучка! Даже не знаешь, что есть такое слово: экономика! Ты разоришь страну. Любая ценная бумага должна иметь обеспечение! Подумай лучше о Колхиде! Её народ — теперь твои подданные!

ВАГНЕР. И прекрасно! И пусть радуются! Пусть гордятся своей страной — своей новой великой родиной!

ФАУСТ. Трудно гордиться родиной на пустое брюхо...

ВАГНЕР. Значит, поправим дело за счёт Тавриды.

ФАУСТ. Но это война!

ВАГНЕР. И прекрасно!

ФАУСТ. Но война — это кровь!

ВАГНЕР. И замечательно! Чем больше крови...

ФАУСТ. Тем больше горя и страданий для народа!

ВАГНЕР. И хорошо! Зато, когда война закончится, какое облегчение испытает народ — даже на пустое брюхо. Народ будет боготворить меня, когда я приведу его к победе! Даже десятилетия спустя! А победу **вы** мне обеспечите, свободны оба!

ФАУСТ. Ты разоришь казну!

ВАГНЕР. А ты снова выпросишь кредиты.

МЕФИСТОФЕЛЬ. А как же Прекрасная Елена?..

ВАГНЕР. На закуску. В день победы — для полного триумфа! Свободны!

Сцена 4-я

Мефистофель один на авансцене.

МЕФИСТОФЕЛЬ (*по ходу этого монолога, большей частью ёрнического, он может спускаться в зрительный зал, бродить между рядами, снова возвращаться на сцену, садиться, свесив ноги в зал, и т.д.*). Ну и дилемма! Настоящая ловушка для чёрта!!! Угораздило меня связаться с этой парочкой! Цель одного диаметрально противоположна намерениям другого... Если я помогаю Вагнеру, то отдаляю минуту, когда Фауст наконец воскликнет: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Если помогаю Фаусту, то как заставить Вагнера сказать «наелся досыта»? Позиция просто патовая! Мне что, придётся с этой парочкой возиться до самой пенсии?.. А если бы я смог разделить эту задачу на две и решить каждую отдельно? Скажем, быстренько заставить Фауста сказать: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» — и всё, эта фигура уходит с доски. А без Фауста Вагнер быстро скажет своё «наелся досыта»... Решение? Да! Проблема только одна — сам Фауст. Не скажет он «Остановись, мгновенье» ни с того ни с сего! Учёный, чёрт его возьми! Он должен в этом убедиться лично — что оно прекрасно! Взвесить на аналитических весах и рассмотреть на предметном стёклышке в микроскоп... Тогда, может быть, наоборот? Сначала — Вагнер. Ерундовая, в общем, задача! Он в две недели у меня обожрётся! В две с половиной — это крайний срок! Но... для этого всё придётся превратить в прах: экономику, финансы, природные богатства страны... И как Фауст добьётся своей высокой цели, чем обеспечит развитие наук и искусств — пламенными речами с высокой трибуны?! Снова пат!.. Что-то я начинаю выстраивать логические цепочки, словно какой-то учёный. Видно, пребывание в чужом теле накладывает свой отпечаток... Ладно. Попробуем сначала. Как первым вывести из игры Фауста?.. Ну, если плюнуть на его высокую цель — легко! Хватит какой-нибудь мелкой пакости — сделать его башмаки на два размера меньше, и всё! Пусть походит в тесных башмаках один день! Вечером, когда разуется, невольно закричит: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Да! Но... ему дана свобода воли: какого чёрта будет он весь день ходить в тесных башмаках? Разуется — и пойдёт босиком!.. Значит, первым всё-таки должен уйти с доски Вагнер?.. О, чёрт, чёрт, чёрт! Замкнутый круг! А выход один: пока не знаю как, но жертвовать придётся Фаустом!

Появляется Фауст.

ФАУСТ. Упражняешься в риторике?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ты слышал?!

ФАУСТ. Нет. Точнее — слышал, но не слова... так, неясное бормотанье...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Хвала Создателю... что Он не вмешивается в земные дела!

ФАУСТ. А я уже хотел бы, чтобы Он вмешался! Вагнер сошёл с ума! Всё, что я успел сделать, он вмиг разрушил!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ну, ещё не совсем...

ФАУСТ. Разрушит! Скажи, зачем ты ему служишь?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ну, видишь ли... (*В сторону.*) Не говорить же о контракте!.. Ради тебя!

ФАУСТ. Ради меня?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А как иначе ты получил бы возможность искать свою высокую истину и воплощать её в жизнь?

ФАУСТ. Да... Но Вагнер!..

МЕФИСТОФЕЛЬ. А где я возьму тебе другого? Каждый народ — ха-ха-ха! — имеет такое правительство, которое его имеет! (*Предупреждая реакцию Фауста на откровенную скабрёзность.*) Цитата — не я придумал! А это сам Гёте сказал: государи большею частью вздорны, пошлы и глупы... Так что, Фауст, не переживай: если народ их терпит, значит, того и засуживает!

ФАУСТ. Я заслуживаю Вагнера?! Да у меня от его планов опять начинается отвращение к жизни...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Что ж, воля твоя: скажи четыре слова — и ты свободен от земных пут!

ФАУСТ. Не издевайся! Более отвратительного мгновенья я ещё не переживал! Так бы и завыл... как собака...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ладно. Попробуем с другого конца. Сформулируй свой идеал — и, может быть, обойдёмся без Вагнера?

ФАУСТ. Всего три слова: Красота, Любовь, Знание. Все три с большой буквы... На них, я понял наконец, держится мироздание...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Так просто? Ну, красотой я тебя завалю выше темечка — хоть сейчас! Вместе с любовью, если согласишься, что большая буква не обязательна, — сколько угодно! А знание у тебя есть и без меня! Начнём?..

ФАУСТ. Иди к чёрту!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Не нравится мне твоё настроение, доктор, поговорим в другом месте.
Сцена трансформируется.

Сцена 5-я

Интерьер командного пункта, где ведутся приготовления к войне за Тавриду.

По стенам развешены карты, разрисованные толстыми красными, синими и чёрными стрелами, обозначающими направления главных и фланговых ударов и обходных манёвров; воткнуты разноцветные флажки.

МЕФИСТОФЕЛЬ. А стоняй, мой друг, в командировку...

ФАУСТ. Чего ради?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Развеешься... За счёт Вагнера, конечно! (*Интригуяюще.*) Он хочет Прекрасную Елену Троянскую, но первым с ней встретишься ты...

ФАУСТ (*взрывается*). Зачем?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Для полноты жизни. (*Вкрадчиво.*) Отдохнёшь несколько дней в своё удовольствие... с самой красивой женщиной в мире! (*С энтузиазмом.*) Слушай, какая женщина! Я тебе даже завидую! Сам скажешь потом, как это прекрасно! Ну и привезёшь её сюда... А?..

ФАУСТ (*обличительно*). С чего ты решил, что побыть несколько дней там, где находится Елена, это удовольствие?..

МЕФИСТОФЕЛЬ (*с удивлением*). Так ты знаешь где?

ФАУСТ. У вас! Сам сгоняй в пекло и привези её.
МЕФИСТОФЕЛЬ. У нас?!
ФАУСТ. А где ещё быть женщине, из-за которой началась война и погибла Троя?!
МЕФИСТОФЕЛЬ (*смеётся*). Древнегреческие сказки! Нет, конечно, из-за женщин много чего бывает, но... ты бы лучше бы Клаузевица почитал, учёный!
ФАУСТ. Что война — продолжение политики?..
МЕФИСТОФЕЛЬ (*с иронией*). О! Растёшь!.. Политики! И безразмерных appetитов — на всё чужое!.. А из-за женщин — ха-ха-ха! — чаще бытовуха: ну шандарахнул бы Менелай Париса сковородкой!.. Елена не у нас. Ни там (*показывает пальцем вниз*), ни там (*показывает пальцем вверх*). Другая эпоха, другая культура... Она в Аиде.
ФАУСТ. Вытащи её из Аида.
МЕФИСТОФЕЛЬ. Если бы он был нашим филиалом... А так... Долгие переговоры, бумаги, закулисные манёвры, бюрократическая волокита... До дня победы не успеть.
ФАУСТ. А я при чём?
МЕФИСТОФЕЛЬ. Пройдёшь путём Орфея... Вот питьё, примешь три капли... ладно, чтобы не получилось как в прошлый раз, — примешь две. Положим тебе в рот монету, чтобы Харон перевёз на тот берег Стикса...
ФАУСТ (*будто бы колеблется*). А она действительно прекрасна?
МЕФИСТОФЕЛЬ (*с жаром*). Неимоверно! Увидишь — сам навек останешься с ней в Аиде! (*В сторону.*) Стоп-стоп, увлёкся, в мои планы это не входит. (*Фаусту.*) Шучу! Заберёшь её оттуда — при дневном свете она вообще ослепительна!
ФАУСТ. Врёшь?
МЕФИСТОФЕЛЬ. Чтоб мне провалиться!
ФАУСТ (*яростно*). Провались ты вместе с Вагнером и его войной!
МЕФИСТОФЕЛЬ. Фауст! Герр доктор! Для Вагнера я что-нибудь придумаю. А для тебя... Прекрасная Елена — тоже вариант. Решайся!
ФАУСТ (*категорически*). Пошёл ты к чёрту, Мефистофель! Без меня! (*Уходит.*)
МЕФИСТОФЕЛЬ (*вслед*). А я и без тебя что-нибудь придумаю — теперь я сам немного доктор Фауст!
Через всю сцену с визгом и хохотом проносится нечистая сила.

Сцена 6-я

Пресс-конференция (брифинг). Кабинет Вагнера. Вагнер за столом. Стол уставлен микрофонами. Мефистофель и Фауст наблюдают со стороны.

Вагнер адресуется непосредственно к зрительному залу — как если бы зрители и были участниками брифинга. Соответственно и Мефистофель с Фаустом реагируют так, словно вопросы Вагнеру задаются из зрительного зала. Можно даже показывать пальцем в зал, обозначая, откуда пришёл вопрос.

ВАГНЕР (*в один из микрофонов*). Моих войск в Тавриде нет! Это внутренние патриотические силы, которые называют себя «зелёными человечками» и блокируют антипатриотические гарнизоны.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Какой вопрос! Ах, чертовка!

ВАГНЕР (*в другой микрофон*). Кто вам сказал, что моих войск в Тавриде нет? Они там по международному договору для защиты от внешнего агрессора.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ах, ведьма! Врезала ему!

ФАУСТ. Там, в зале, есть и твои?.. Не только карманные и прикормленные?..

МЕФИСТОФЕЛЬ (*радостно*). Должен же и я получить удовольствие — увидеть, как выкручивается Вагнер!

ВАГНЕР (*в третий микрофон*). От кого мои войска должны защищать Тавриду, если внешней агрессии нет?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Чёртова дочка! Такая юная — и такая талантливая!

ВАГНЕР (*в очередной микрофон*). Но если возникнет необходимость, внутренние патриотические силы будут защищены!

ФАУСТ. Да, а что за патриотические силы?

МЕФИСТОФЕЛЬ. О! Я наводнил Тавриду легионами чертенят. А Вагнер — ха-ха-ха! — думает, что их патриотизм относится к нему!

ВАГНЕР. Спасибо, это хороший вопрос! Но камуфляж можно в любом магазине купить!.. Какое оружие?.. Они действуют исключительно силой убеждения!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Врёт и не краснеет!

ВАГНЕР. Я действую в рамках международного права. Если мои гарнизоны станут объектом агрессии, то будут защищаться, мой высший императорский совет уже подписал постановление.

ФАУСТ. Тоже врёт?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Нет! Попробовал бы совет не подписать!..

ВАГНЕР. Сила убеждения — великая вещь: кушать захотят — на всё будут согласны.

ФАУСТ. И это бывший мой адъютант... такой тихий с виду...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Погоди, ещё вопрос — опять моя чертовка!

ВАГНЕР. Антипатриотические гарнизоны не будут стрелять. Ведь впереди патриотических сил пойдут женщины и дети... женщины и дети тех солдат, которые ещё остаются в своих гарнизонах и не сложили оружие.

ФАУСТ (*с ужасом*). И это тоже ты придумал?!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*со смехом*). Представь, он сам! Способный ученик!..

ФАУСТ. Но ведь это...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Это средневековье, доктор Фауст, а ты чего хотел? (*Передразнивает.*) «Красота»... «Любовь»... Смотри, ему какой-то телетекст выводят!

ВАГНЕР. Мне только что сообщили: гарнизоны Тавриды сдались без боя. Таврида стала частью нашей великой родины, завтра будем праздновать день победы, приказываю народу торжествовать и веселиться! Всем спасибо и до свиданья.

В кабинете Вагнера гаснет свет.

МЕФИСТОФЕЛЬ (*Фаусту*). Как видишь, обошлось без крови... ну, почти...

Из тёмной части сцены выходит Вагнер.

ВАГНЕР. Ведь можете, когда захотите! Каждому по ордену! Вручу завтра на приёме в честь победы.

ФАУСТ (*сквозь зубы*). Повесь этот орден себе на панталоны!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А я — не против. (*Выпячивает грудь, говорит в сторону.*) Конечно, мне от тебя нужен не орден, но орденов ещё мне не вручали. (*Вагнеру.*) Согласен и на два — одному здесь будет одиноко. А может быть, ещё две-три медали?

ВАГНЕР. За что?

МЕФИСТОФЕЛЬ. За службу! Вам служить — не мёд, подслащивайте орденами!

ФАУСТ. А знаешь, Вагнер, Таврида и Колхида рифмуются не случайно. И все беды Колхиды, как эхо, могут повториться в Тавриде...

ВАГНЕР. Не порть мне праздник, Генрих! Хотя... в чём-то ты прав. Одной Тавриды мало — но если к ней прибавить несколько соседних областей...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Готов начать хоть завтра! (*В сторону.*) И буду продолжать, пока не обожрётся...

ВАГНЕР. Нет, завтра — праздник. Я пришёл напомнить: Прекрасная Елена Троянская! Завтра! На приёме в честь победы! (*Выходит.*)

Сцена 7-я

Торжественный приём в апартаментах Вагнера. Музыка, гомон голосов.

Сумасшествие безумного праздника. Время от времени, вклиниваясь в него, по сцене проносятся духи преисподней. Как и в сцене Вальпургиевой ночи, ощущение многолюдности

(и помпезного блеска) достигается с помощью звуко- и светотехнических эффектов. Зрительный зал — тоже часть этого действия: зрители — как гости, к которым персонажи могут обращаться напрямую. Вагнер словно дирижирует праздником. Фауст и Мефистофель стоят в стороне. Грудь Мефистофеля украшена орденами.

ВАГНЕР. Внимание! *(Музыка смолкает, гул голосов становится тише.)* А теперь кульминация! Мои помощники явят нам Прекрасную Елену Троянскую!

МЕФИСТОФЕЛЬ *(выходит вперед)*. Сейчас явится Елена Троянская — прекраснейшая женщина всех времён и народов. Но сначала два слова — для тех, кто не знает...

ВАГНЕР *(прерывает, показывая пальцем на Мефистофеля, передразнивает)*. Для тех, кто не знает... Это, между прочим, не ярмарочный зазывала, а доктор Фауст, мой ученик, большой дока во всех науках и искусствах, и если он что-то говорит, то... он знает, что говорит... А если делает — а я научил его многому, то... знает, что делает... Сейчас мы станем свидетелями величайшего научного опыта всех времён и народов, а не дешёвого ярмарочного трюка. Начинайте, профессор! *(Мефистофелю.)* Но говоришь ты словно ярмарочный шут, давай короче!

МЕФИСТОФЕЛЬ *(продолжает кривляться, пародируя стиль телепрограммы «Неимоверная правда про звёзд»)*. Итак, для тех, кто не знает. Прекрасная Елена родилась в простой царской семье: папа — простой спартанский царь Тиндарей, мама — простая царица Леда, но тоже... та ещё красавица. Но на самом деле папой Елены был сам главварь богов Зевс. Он явился к Леде в образе лебедя и... да, пикантная история, но мы её пропустим. Юная, но гордая Елена ещё в раннем детстве поклялась, что никогда и ничего не попросит у своего настоящего папы. Красота тоже не принесла ей ничего хорошего: её то похищали, то возвращали, пока папа Тиндарей не выдал Елену замуж за простого царя Менелая. Но тут объявился Парис, сын Приама, знаменитейшего царя Трои, — красавчик! вылитый Ален Делон в молодости! — и Елена сбежала с Парисом в Трою. Что было дальше, вы, конечно, знаете: Троя, сражённая красотой Елены, пала в 1260 году до нашей эры...

ВАГНЕР *(с ужасом)*. Мне говорили, что она прекрасна, но не сказали, что так стара!..

Наступает полная тишина. В тишине раздаётся сатанинский смех Мефистофеля.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Не волнуйтесь, шеф, вы получите её в расцвете молодости и красоты!

ВАГНЕР *(с сомнением)*. Ну, тогда... продолжай...

МЕФИСТОФЕЛЬ *(достаёт из кармана что-то похожее на телевизионный пульт дистанционного управления)*. Прошу всех на секунду прикрыть глаза — иначе вы просто ослепнете от её красоты... *(Нажимает кнопку на пульте.)* И — раз! *(Наступает полная темнота.)* И — два! *(Громовой удар, ослепительная вспышка света.)* И — три!

Феерическая игра света, в которой возникает женская фигура в древнегреческом наряде, со сверкающими украшениями на запястьях, лодыжках и т.д., с головы до бёдер она прикрыта полупрозрачной накидкой, но под ней угадываются обнажённое тело и прекрасное лицо, похожее на лицо Гретхен.

ФАУСТ *(делает шаг в направлении фигуры)*. Это она... Она прекрасна!

МЕФИСТОФЕЛЬ *(действуя в озарении, быстро подходит к Фаусту)*. Это она!

ФАУСТ. Да...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Она прекрасна!

ФАУСТ. Да...

МЕФИСТОФЕЛЬ. И ещё можно всё переиграть: эта женщина достанется тебе, а не Вагнеру...

ФАУСТ. Да...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Тогда поторопись! Ещё мгновенье — и она сделает шаг к Вагнеру!

ФАУСТ. Да...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Пока не поздно, **останови** её!

ФАУСТ. Да...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Она прекрасна! Останови — и через мгновение она будет твоей! И это будет прекрасное мгновение!

ФАУСТ. Да...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Все нужные слова у тебя уже на языке: «остановись», «мгновение» и «прекрасно»!

ФАУСТ. Да...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ну!.. Говори!

ФАУСТ. Гретхен! (*Громовой удар, всё исчезает, Фауст и Мефистофель остаются одни.*) Гретхен!..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Упустил ты свой шанс, доктор. (*В сторону.*) Увы, я тоже...

ФАУСТ. Гретхен!.. Почему я забыл о ней?! Это твои штучки?! Говори, где Гретхен, что с нею?!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*равнодушно*). Что-что?.. Да ничего — она в тюрьме.

ФАУСТ. В какой тюрьме?! Я только что видел её — здесь, и ты хотел отдать её Вагнеру!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Брось, доктор, учёный — а веришь во всякую чертовщину. Это вообще была не женщина, а голографическое изображение... Но все поверили (*смеётся*). А Гретхен — в тюрьме.

ФАУСТ. За что?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. За двойное убийство.

ФАУСТ. Не может быть! Она невиновна!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Это ты так думаешь. А правосудие думает иначе.

ФАУСТ. Кого она убила?..

МЕФИСТОФЕЛЬ (*равнодушно*). Свою мать и брата Валентина. Она уже созналась...

ФАУСТ. Но Валентин — это твоих рук дело! А мать... и мать, наверное, тоже!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А какая теперь разница?

ФАУСТ. Что её ждёт?

МЕФИСТОФЕЛЬ (*равнодушно*). Гильотина. (*Внезапно оживает.*) Какое полезное и остроумное изобретение человека! Сам Сатана не придумал бы лучше!

ФАУСТ. Кошмар средневековья!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Наоборот: не кошмар, а прогресс! Очень гуманная процедура: голова отлетает, а палач остаётся с незапятнанными руками и чистой совестью!

ФАУСТ. Какой ужас!.. Гретхен...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Даже странно, что имя этой машинке дали безалаберные французы, а не педантичные немцы, и имели бы мы сейчас какой-нибудь (*с немецким акцентом*) дердокторфауствундераппарат!.. (*Буднично.*) Казнь — завтра утром.

ФАУСТ. Ты должен этому помешать!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Зачем?

ФАУСТ. Иначе не услышишь никогда тех слов, которых ждёшь от меня! Немедленно веди меня в тюрьму — к Гретхен!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Впервые вижу человека, который сам, добровольно, просится в тюрьму... А впрочем... Задание простое. С охраной я разберусь...

ФАУСТ. Вперёд, мерзавец!

Сцена 8-я

Тюрьма. Одиночная камера.

Гретхен в цепях и в рубище молится в углу. Открывается дверь, входит Фауст со связкой ключей. Гретхен смотрит на него, не узнавая; прерывает молитву, неожиданно начинает то ли петь, то ли бормотать.

ГРЕТХЕН.

Чтоб вольнее гулять,

Извела меня мать,

И отец-людоед
Обглодал мой скелет,
И меня у бугра
Закопала сестра
Головою к ключу.
Я вспорхнула весной
Серой птичкой лесной
И лечу.*

(*фрагмент «Фауста» Гёте, перевод Б.Пастернака.)

ФАУСТ (падает к её ногам). Гретхен, это я!

ГРЕТХЕН (на коленях рядом с ним). Ты видишь? Это пламя ада! Давай скорее помолимся вместе!

ФАУСТ (громко). Гретхен! Гретхен!

ГРЕТХЕН (прислушиваясь). Твой голос кажется знакомым... (Вскакивает. Цепи падают.)

ФАУСТ. Гретхен, это я, твой Генрих! Очнись! Сейчас мы уйдём отсюда!..

ГРЕТХЕН. Ты Генрих?.. Нет! Ты палач! Ты уведёшь меня, чтобы казнить, но ведь ещё не утро, дай пожить ещё несколько часов, дай увидеть первый луч солнца!..

ФАУСТ. Гретхен! Гретхен! Это бред, проснись! Палач ещё спит и видит во сне, как ему рубят голову. И стража спит — она усыплена, никто не помешает нам!

ГРЕТХЕН (приходя в себя). Ты правда Генрих?

ФАУСТ. Да!

ГРЕТХЕН. И хочешь увести меня с собой, а не казнить?..

ФАУСТ. Да, да! Пока спит стража!

ГРЕТХЕН. Генрих!.. Я думала, так и умру, не увидев тебя!..

ФАУСТ. Ты не умрёшь! Нас кони ждут под стенами тюрьмы, и первый солнца луч увидишь ты свободной!

ГРЕТХЕН (окончательно приходит в себя; её экзальтированная речь сменяется обычными разговорными интонациями). Генрих... Мой Генрих... Ты наивен, как все мужчины. Ты думаешь, что несвобода здесь, в стенах тюрьмы, а там — свобода?.. Смешной мальчишка... Свобода должна быть в душе. А в моей душе её нет, и, значит, свободной я уже не стану. Уж лучше... остаться здесь... и принять... всё... что мне суждено.

ФАУСТ (его речь тоже меняется). Гретхен... это глупо... Ведь ты невинна.

ГРЕТХЕН. А кто виновен? Может быть, ты?.. Нет... не ты, я дала матери те проклятые капли, от которых она не проснулась... Ты ведь не знал о них?.. Или знал?!

ФАУСТ (начиная что-то понимать). Не знал...

ГРЕТХЕН. Вот видишь... Своими руками я убила родную мать. И ты думаешь, я смогу жить дальше как ни в чём не бывало?..

ФАУСТ. Но ведь и ты не знала! Ты... была только слепым орудием... Тот, кто дал их тебе, он — убийца.

ГРЕТХЕН. Мне дал их доктор Фауст — ну и что? Орудие слепо, у него нет разума, а мне, как и тебе, дан разум... Моя вина... мне и кара...

ФАУСТ. Но зачем ты созналась ещё и в убийстве своего брата Валентина? И какой идиот судья мог этому поверить?!

ГРЕТХЕН. Генрих... И здесь то же самое. Если брат схватился за шпагу, чтобы вступить за мою честь, то... ведь это я дала ему повод... Генрих, я наделала глупостей... Нет, не то! Глупости можно исправить, а это исправить — нельзя!

ФАУСТ. Гретхен, я найму лучших адвокатов, ты не должна отвечать за чужие преступления!

ГРЕТХЕН. И что это изменит? Мать мертва. Брат мёртв. А я стараниями крючкотворов стану невинной овечкой?.. Но есть ещё душа, Генрих, понимаешь? Душа! В ней мой приговор, а не в бумагах на столах у судей... И, знаешь, было ещё одно... Все считали, что

моего брата заколол доктор Фауст, но кто-то сказал, что видел двоих... и искали вас обоих... Ты не мог убить Валентина, потому что был со мной... но... и ты был под подозрением... И я подумала: Валентину уже не поможешь, но... пусть тебя не ищут... Прощай, мой любимый, иди, я остаюсь!

ФАУСТ. Значит, и я остаюсь с тобой.

ГРЕТХЕН. Зачем?

ФАУСТ. Пусть меня казнят вместе с тобой. Нет, подожди... я всё расскажу на эшафоте... и пусть меня казнят вместо тебя!

ГРЕТХЕН. Нет, Генрих, ты должен уйти, сейчас, до первого луча солнца.

ФАУСТ. Зачем?

ГРЕТХЕН. Генрих, я просто городская девчонка, каких тысячи. Мы все грезим любовью, но что мы знаем о любви... и... о жизни?... Оказалось, нужно попасть в темницу, чтобы увидеть: любовь — это свет. Мироздание озарено Светом Любви, и если цель жизни — посадить дерево, построить дом и родить сына, в этом смысл любви!

ФАУСТ (*перебивает*). Это цель для мужчины...

ГРЕТХЕН (*смеётся*). Наивный Генрих... Рядом с мужчиной должна быть женщина. Ты сможешь сам родить сына? И для кого ты построишь дом? И если ты посадишь дерево, то кто сорвёт и подаст тебе его плод?... Своей душой я вижу твою душу: ты нужен миру, чтобы найти ответы на самый главный вопрос. Иди, ты должен довести до конца всё, что начал...

ФАУСТ. Гретхен! Но рядом с мужчиной должна быть женщина!

ГРЕТХЕН. А я и была с тобой всё время, с первой минуты нашей встречи, просто ты не знал этого. Может быть, ты уже и дерево посадил — хотя и не знаешь об этом, но поймёшь, когда увидишь его плоды. Я остаюсь здесь, но я была и буду с тобой, и в плодах твоего дерева тоже буду я...

МЕФИСТОФЕЛЬ (*в дверях*). Уже светает!

ГРЕТХЕН. Кто это?

ФАУСТ. Тот, кто нам поможет!

ГРЕТХЕН. Вели ему уйти! Я покоряюсь Божьему суду.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Уходим!

ФАУСТ (*Мефистофелю*). Мы должны увести её отсюда! Хоть и силой!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Она должна уйти сама, без принуждения, иначе я бессилён!

ГРЕТХЕН. Генрих, я вижу, это доктор Фауст! Твой доктор Фауст продал душу чёрту, он превратился в марионетку, а за ниточки дёргает чёрт!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*хватает Фауста за рукав и крепко держит*). Слишком поздно! Я уже слышу шаги палача!

ФАУСТ. Отпусти! Она...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Осуждена на муки!

ГОЛОС (*с неба*). СПАСЕНА!

Мефистофель исчезает вместе с Фаустом.

ГРЕТХЕН (*вслед*). Будь ты проклят, доктор Фауст!

Интерьер тюрьмы исчезает. Фауст и Мефистофель остаются на авансцене. Звучит трагическая музыка, которую на взлёте обрывает злоеющий лязг ножа гильотины. Фауст в отчаянье закрывает лицо руками и падает на колени.

Душу Гретхен подхватывают два ангела и уносят вдаль.

Сцена 9-я

Фауст и Мефистофель на авансцене.

ФАУСТ (*не поднимаясь с колен*). Ну, чего ты от меня хотел? Душу? Забирай!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Что ж, пусть будет так. Скажи заветные слова.

ФАУСТ. Пожалуйста! Остановись, мгновенье, ты... Нет, не могу.

МЕФИСТОФЕЛЬ. И я не могу: ты должен сказать фразу полностью.

ФАУСТ. Издеваешься надо мной?! Оно и так остановилось — но ничего (*делает огромное усилие, чтобы выговорить*) **прекрасного** в этом нет!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А ты попробуй ещё раз!

ФАУСТ. Зачем тебе слова, мерзавец? Хочешь ещё и унижить напоследок?! Я добровольно, без всяких слов, отдаю тебе душу — бери.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Нет, не могу. Пробуй ещё раз!

ФАУСТ (*вставая*). Я сейчас задушу тебя, тварь!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*смеётся*). А это уже забавно! Чего только со мной не делали! Святой водой кропили. Ладаном выкуривали. Святым крестом шугали. Молитвой изгоняли. Душить ещё никто не пробовал! Ты будешь первым. Между прочим, и для меня это совершенно новое ощущение. Ну... давай попробуем (*задирает подбородок*).

ФАУСТ. Пошёл вон, образина!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*смеётся*). Ты, доктор, всё-таки определись: «пошёл вон», «задушу» или «бери душу»?

ФАУСТ. Душу!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ты создал патовую ситуацию, Фауст. (*В сторону.*) Чего-чего, а этого никак не ожидал. Послушай, герр доктор! Убедил! Я беру твою душу! Только давай сделаем маленькую паузу... ну... отвлечёмся — слетаем куда-нибудь... давай в кабачок заскочим... честно говоря, и мне не помешали бы две-три рюмки шнапса... Или чего тебе хотелось бы? О! Давай устроим для Вагнера новую войнушку!.. (*Как из-под земли появляется Вагнер.*) О! Лёгко на помине!

ВАГНЕР (*со счастливым видом*). Но я сбежал!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Один меня уже запутал, теперь и второй туда же! Куда сбежал! Откуда! Зачем?

ВАГНЕР. У меня в стране революция — народ требует каких-то перемен... но я сбежал!

ФАУСТ (*подавая признаки жизни*). Странно... как это тебе удалось?..

ВАГНЕР (*с пафосом*). Мне помогли патриотически настроенные офицеры!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*насмешливо*). И где они?

ВАГНЕР. Удрали! Когда я им заплатил и оказалось, что больше у меня ничего нет...

ФАУСТ (*мрачно*). Патриотизм в твоей империи может быть только оплаченным...

ВАГНЕР. Какая чепуха, Генрих! (*Весело.*) Чёрт с ней, с этой империей! (*Похлопывая Мефистофеля по плечу.*) Сейчас доктор Фауст найдёт мне какое-нибудь маленькое княжество — и начнём всё сначала!

ФАУСТ. А ты вернись обратно — и **там** начни всё сначала!

ВАГНЕР. Нет уж, дудки! У меня всё это вот уже где (*проводит ребром ладони по горлу*) — все эти народные волнения, бесконечные претензии к власти, митинги, демонстрации, бунты, протесты на площадях!.. Всё, всё, всё — вот уже где! Наелся досыта!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Вот ты и сказал...

ВАГНЕР. Что я сказал?.. Доктор, пусть оно будет совсем маленьким — ну, как Монако... А может быть — само Монако?..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Те самые слова: наелся досыта!

ВАГНЕР. Конечно, наелся! Может быть, в маленьком княжестве будет поспокойнее?.. Нет, со временем я его, конечно, сделаю побольше... потом ещё побольше...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ха-ха-ха! А время, Вагнер, истекло! Нет в договоре никакого «потом»!

ВАГНЕР. Брось, доктор! Да, я помню: «Наелся досыта»! Но, во-первых, я совсем не то имел в виду, а во-вторых — мне не до шуток: там у меня революция, я еле спасся — при чём тут наш шутейный договор?..

ФАУСТ (*Мефистофелю*). Ах ты чёрт! У тебя и с ним был договор?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ха-ха-ха!

ФАУСТ. Понятно. Но... Повремени, двурушник! (*Вагнеру.*) Чего требует народ?

ВАГНЕР. Полную чепуху! Какого-то самоуправления...

ФАУСТ (*словно пробуя слово на вкус*). Самоуправления?..

ВАГНЕР. Ну... да. Я даже не понимаю, что это такое.

МЕФИСТОФЕЛЬ (*задумчиво*). А ведь я не так давно слышал подходящее слово... демократия... но от кого?.. Ладно! К нам с вами это не имеет отношения!

ФАУСТ (*задумчиво*). А если имеет?.. Народ поднялся — и сбросил Вагнера... Значит... он больше не хочет, чтобы его судьбу решали вагнеры...

ВАГНЕР. Да мало ли чего он хочет! Ведь я ещё могу вернуться! А что?.. Монако — не мой масштаб! Соберу в Тавриде патриотические силы — и как вернусь!..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ха-ха-ха!

ФАУСТ. Если народ этого не хочет — ты не вернёшься! Никогда! Гретхен! Кажется, я действительно посадил дерево... и вижу его первые плоды!..

ВАГНЕР. Генрих, ты на что-то намекаешь?..

ФАУСТ. Ни на что! Говорю прямо: даже если ты наберёшь легионы легионов, народ не пустит тебя обратно — он будет сражаться за свою свободу!.. И будет прав: лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них бой!

МЕФИСТОФЕЛЬ (*иронично*). Bravo, доктор! Твой афоризм войдёт в сокровищницу мировой литературы! Но к нашим делам он тоже не имеет никакого отношения!

ФАУСТ (*не слушая*). Свободный народ на свободной земле... Как бы я хотел это увидеть! И если это сбудется, я с лёгкостью скажу: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

МЕФИСТОФЕЛЬ (*без иронии*). Ну вот. И ты сказал.

ФАУСТ. Said!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Наконец-то! Назад свои слова не попросишь?

ФАУСТ. Я — не Вагнер.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Да будет так!

Сбрасывает с плеч накидку и набрасывает на плечи Фауста. Мгновенно проносятся тени духов, феерически меняется освещение, слышны взвизги духов и громовой удар. Освещение становится прежним. Как и в 4-й сцене первого акта, происходит обмен телами (душами), но уже обратный. Актёр, который до этого момента был «Генрихом» (т.е. Фаустом в теле Мефистофеля), вновь превращается в Мефистофеля: расправляет плечи, принимает мефистофельскую осанку. Актёр, который был Мефистофелем в теле Фауста, вновь становится Фаустом (т.е. превращается в Фауста, каким он был до обмена в первом акте): теряет осанку Мефистофеля и т.д. Фауст падает замертво.

ВАГНЕР. Э... Генрих, а что это было?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Уже не Генрих! Ха-ха-ха! Как хорошо мне в прежнем теле!.. Словно домой из командировки вернулся...

ВАГНЕР. Э... А кто ты?!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Я часть той силы, что вечно хочет зла... Впрочем, для тебя это слишком сложно! Я тот, с кем ты подписал контракт!

ВАГНЕР. Брось шутить, Генрих! Какой ещё контракт?..

МЕФИСТОФЕЛЬ. Тот самый, который подписал ты кровью!

ВАГНЕР. Я с доктором подписал контракт — и то шутки ради! А доктор... Похоже, ему уже и целый консилиум докторов не поможет... Значит, и никакого контракта нет!

МЕФИСТОФЕЛЬ. А ты ещё и дурак, Вагнер? Видишь только оболочки, но не видишь сущностей? (*Извлекает из воздуха договор и машет перед носом Вагнера.*) Отлично! Сейчас проверим тебя на чувство юмора!

Крепко берёт Вагнера под руку. Другой рукой тянется к Фаусту, лежащему на земле.

ГОЛОС (*с неба*). ОСТАВЬ ЕГО! ОН МОЙ!

Мефистофель и Вагнер проваливаются в ад.

*Душа Фауста устремляется ввысь. Души Фауста и Гретхен сливаются в одно целое. Темнота.**

(*Сценическое решение этой метафоры может быть достаточно простым: рядом с лежащим Фаустом появляется Гретхен — уже не в рубище, а в белом ангельском одеянии,

— *набрасывает такое же одеяние на Фауста, помогает ему встать на ноги и уводит за собой.*)

Сцена 10-я (заключительная)

На небе. Та же темнота, что и в конце предыдущей сцены.

ТВОРЕЦ (*голос в темноте*). Хожу той самой пешкой...

МЕФИСТОФЕЛЬ (*тоже в темноте*). И что, я не могу ей помешать?.. (С *громким стуком переставляет фигуру на доске*). Но я хотя бы попробую!..

ТВОРЕЦ. Пробуй... (*Постепенно набирает силу свет.*)

МЕФИСТОФЕЛЬ. А что толку, Создатель?! Всё в Твоих руках — и как только позиция становится невыгодной, Ты вмешиваешься!

ТВОРЕЦ (*спокойно*). Ты не прав, мой дух противоречья. Я не вмешиваюсь в людские дела.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Но ведь вмешался!.. И в мои, кстати, тоже! Из-за Тебя нарушены условия контракта — а контракты надо выполнять!

ТВОРЕЦ. Нет, это ты хотел его нарушить. Контракты, Мефистофель, нужно вычитывать до буквы, до последней запятой — «Казнить нельзя помиловать» — а ты этого не сделал. Ты упустил одно маленькое слово — «если», а оно всё меняет.

МЕФИСТОФЕЛЬ (*выхватывает договор из воздуха, вчитывается*). «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» — и никакого «если»!

ТВОРЕЦ. Именно так. А он сказал «если». Понимаешь разницу? Но это сослагательное наклонение ты хочешь выдать за императив, который был записан в контракте, а значит, контракт недействителен. Конечно, если бы ты вписал это «если» заранее... Впрочем, Мефистофель, я всегда говорил, что ты плохо просчитываешь варианты...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Нет, в этом деле Ты не прав, Создатель!

ТВОРЕЦ. Увы, Мефистофель, общение с Вагнером пошло тебе не на пользу. Если бы не это чёртово «если», я и сам бы умыл руки... он был бы твой. А так...

МЕФИСТОФЕЛЬ. Нет... объясни...

ТВОРЕЦ. Пожалуйста — как для ученика, который отстаёт по предмету логики. Фауст исполнил своё земное предназначение — кстати, не благодаря тебе, а вопреки, — а значит, заслужил отдых, а не геенну огненную. Но и результата, который был контрактом обещан, он не увидел: ведь дальше тоже «если». А если народ опять впадёт в спячку? А если посадит себе на шею нового Вагнера?

МЕФИСТОФЕЛЬ. А если нет?!

ТВОРЕЦ. А это ни от тебя, ни от меня не зависит — это не в наших руках. И если я вмешался, то только в том, что мне принадлежит.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Что именно?

ТВОРЕЦ. Воздаяние, Мефистофель... (*Делает ход.*) Всё — пешка на восьмой горизонтали, шах и мат. Конец игры.

МЕФИСТОФЕЛЬ. А отыгаться?..

ТВОРЕЦ. Сегодня — нет. Ты утомил меня — изыди!

Внезапно раздаётся взрыв. Как и в начале спектакля, возникает ощущение массируемого артобстрела — он происходит где-то вдалеке, однако его отсветы и отголоски видны и слышны и на сцене.

МЕФИСТОФЕЛЬ (*многозначительно поднимает палец*). А ничего не кончено, Создатель! Игра продолжается!

Исчезает в языках адского пламени. Звучит, как и в начале спектакля, бас Шляпина.

ЗАНАВЕС

г. Кропивницкий, Украина.

т.д. (38) 0522 36-20-19 (или 56-14-06), т.моб. (+38) 066 144-04-02

Е-mail: petrovichev@yandex.ru

Автор напоминает о действующем законодательстве, об авторском праве и невозможности постановки пьесы без письменного разрешения правообладателя.